история“ создалась „под влиянием повести Искандера о взятии Царьграда турками в 1453 г.“,[1] что автор „Казанской истории“ сознательно следовал за этой повестью. „Его привлекало сходство своей судьбы с судьбой Искандера. Оба были в агарянском плену, — один — у турок, где и потурчился, другой — у злых черемис и лютых казанцев“.[2]

В своей позднейшей работе А. С. Орлов отказался от этой точки зрения и полагал, что сходство судьбы Искандера и автора „Казанской истории“ объясняется тем, что автор последней „подражает Искандеру даже и в этой особенности повести“.[3]

Решая вопрос об авторе „Казанской истории“, прежде всего следует ответить на вопрос: имеем ли мы право подвергать сомнению самый факт длительного пребывания его в казанском плену и считать, как это делает акад. А. С. Орлов, биографические эпизоды „Казанской истории“ лишь литературным подражанием Нестору Искандеру, лишенным реальной основы?

Напомним все автобиографические данные, какие могут быть извлечены из „Казанской истории“.

О своей жизни в плену автор сообщает следующие сведения. За 20 лет до взятия Казани, т. е. в последние годы княжения Василия III, он был взят в плен и „сведен“ в Казань; здесь его отдали „в дар“ казанскому царю, который „взят его с любовию“ и оставил при дворе „служити“, „пред лицем своим стояти“. От царя и „премудрейших и честнейших“ казанцев пленник получил некоторые сведения о прошлом Казани. Когда и где искал автор эти сведения „в летописцах русских“ и у „искуснейших людей русских“ — трудно решить, но в „казанских“ летописях он „мало видех“ — очевидно еще во время пребывания в плену. Живя в Казани, пленник наблюдал страдания русских пленных, которых продавали в рабство, и издевательства над монахами и монахинями. Описывая эти „беззакония“, автор замечает: „есмь сам видех очима своима, пишу сия, видех горкую беду сию“.[4] Освоившись с местными суевериями, автор доверчиво описывает „знамения“, предсказывавшие падение Казани, и, в частности, передает рассказ „о бесе“, который в виде „змия велика огнена“ улетел из улуса на берегу Камы „в пустая места непроходная, прогнан христовою силою“, этим предсказав людям, что здесь водворится христианство. Это „третие знамение, — пишет автор, — при мне же бысть, еще бо ми тогда в Казани живуща“.[5]

Есть основание думать, что этот пленник занял в Казани особое положение: находясь при царском дворе, он мог оказывать услуги и русскому правительству, поэтому он остался в Казани, когда московский ставленник на казанском престоле, царь Шигалей, в 1551 году отпустил на свободу весь „русский плен“. Рассказ об этом освобождении русских пленников как будто выдает необычайное положение самого автора: Шигалей приказал собрать „весь в Казани плен русский мног, избравше за 30 лет, изо всея земли Казанския, числом более 100000 мужи и жены, отроки и девицы, и на Русь отпустиша. Инии же застаревшеся прелестницы многи от них осташася, не хотяще обра-

---

[1] А. С. Орлов. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. СПб., 1909, стр. 4—5.

[2] Там же, стр. 5.

[3] А. С. Орлов. Героические темы древней русской литературы. М.—Л., 1945, стр. 113.

[4] Q. 26-П, л. 61.

[5] Там же, л. 92.